

Репрезентация экспертного знания в юридическом поле и проблема легитимности правовых решений

Масловская Е. В.,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра социолого-правовых исследований
Социологического института ФНИСЦ РАН
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье демонстрируются возможности и ограничения различных теоретико-методологических подходов к исследованию особенностей взаимодействия судебных экспертов и юристов. Автором обосновывается релевантность композиции концепта «рабочая группа» и концепции юридического поля П. Бурдьё для проблематизации легитимности правовых решений в контексте репрезентации экспертного знания в судопроизводстве. Перспективность данного подхода заключается в том, что он позволяет не только анализировать процесс циркуляции экспертного знания, но и учитывать структурный контекст взаимодействия судебных экспертов и юристов, раскрывающий интересы, стратегии и тактики вовлеченных акторов. Подчеркивается необходимость проведения эмпирических социологических исследований, сфокусированных на взаимопереплетенности диспозиций действий акторов и позиций, т.е. тех точек социального пространства, в которых они находятся. Выбранный автором подход позволяет раскрыть стратегии использования экспертного знания для легитимации правовых решений. Интервью с участниками судебных процессов подтверждают, что досудебные «рабочие группы» характерны для российской системы уголовного правосудия. Устойчивость отношений между участниками досудебной «рабочей группы» определяется институциональной взаимозависимостью тех организаций, которые они представляют, и складывающимися неформальными отношениями. Различия между «рабочими группами» обусловлены такими факторами, как размеры городского пространства, степень диверсифицированности рынка экспертных услуг.

Ключевые слова: социология права, судебный эксперт, экспертное заключение, уголовное судопроизводство, юридическое поле, легитимность правовых решений.

В различных сферах современного информационного общества наблюдается растущая зависимость от специализированного знания. Экспертизация¹ как широкий социальный процесс затрагивает, в частности, политическую сферу, в которой мы наблюдаем постоянные ссылки на тех, кого называют экспертами, с целью легитимации принимаемых управленческих решений. Распространение подобной практики в политической сфере рассматривается некоторыми авторами как проблема для развития демократии². В правовой сфере роль специальных знаний в судопроизводстве

также все более возрастает. Основным видом процессуального использования специальных знаний является судебная экспертиза. Почти все рассматриваемые в суде дела, как уголовные, так и гражданские содержат экспертные заключения. Требуется научное осмысление вопроса о том, каковы эффекты использования экспертного знания на различных этапах судопроизводства. Можно ли говорить об экспертном заключении как основании для легитимации правовых решений?

Как известно, неопределенность — это одна из центральных проблем, с которой сталкиваются акторы, расследующие преступление и не имеющие непосредственного знания о том, что в действительности произошло на месте преступления. Одним из способов преодоления неизбежной неопределенности является формирование судебных доказательств. Заключение эксперта является одним из важнейших документов, который способствует преодолению неопределенности и может быть использован в качестве судебного доказательства. Вместе

¹ Экспертизация — это процесс разделения интеллектуального труда, в рамках которого эксперты оказывают все большее влияние во все большем спектре социальных практик. См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

² Liberatore A, Funtowicz S. 'Democratizing' Expertise, 'Expertizing' Democracy: What Does This Mean and Why Bother // Science and Public Policy. 2003. Vol. 30. № 3. P. 146-150.

с тем нормативно заключение эксперта не рассматривается как единственное или бесспорное доказательство, оно не достаточно само по себе и должно быть соотнесено, по крайней мере, с материалами допросов свидетелей, подозреваемых, что в результате может изменить направление поиска подозреваемых или круг обвиняемых. И уже суду придется решать вопрос, кто виновен и в чем именно, опираясь на совокупность представленных судебных доказательств, включая экспертное заключение.

Таким образом, очевидны две основополагающие черты, связанные с использованием экспертного знания в судопроизводстве. Во-первых, будущий судебный эксперт нанимается для исследования предоставляемых ему материалов лицом, не обладающим необходимым специальным знанием (научным или техническим), но, тем не менее, наделенным правом оценивать результаты экспертного заключения. Другими словами, юристы, не имеющие специальной научной или технической подготовки, рутинно оценивают экспертное заключение, определяя судьбы подозреваемых и обвиняемых. Во-вторых, экспертное знание производится в одном контексте для того, чтобы использоваться в другом, как это происходит при циркуляции знания от судебного эксперта к следователю, прокурору и судье, что потенциально чревато напряжениями эпистемического и структурного характера.

Производство экспертного знания и его интерпретации в процессе взаимодействия судебных экспертов и юристов на различных стадиях судебного разбирательства привлекает все большее внимание исследователей. Современное состояние исследований в данной сфере определяется корпусом работ зарубежных авторов, представляющих различные научные дисциплины, прежде всего, юриспруденцию, криминологию, психологию³. Вместе с тем взаимодействие судебных экспертов и юристов до недавнего времени в значительно меньшей степени становилось фокусом теоретического анализа с позиций социологии и направляемого таким анализом эмпирического изучения. В данной статье эксплицируется актуальная зарубежная дискуссия, демонстрируются возможности и ограничения различных теоретико-методологических подходов к изучению указанной тематики.

³ Edmond H. Judicial Representations of Scientific Evidence // *Modern Law Review*. 2000. Vol. 63. № 2. P. 216—251; Krieken R. Law's Autonomy in Action: Anthropology and History in Court // *Social and Legal Studies*. 2006. Vol. 15. № 4. P. 574—590; Nance D. Reliability and the Admissibility of Experts // *Seton Hall Law Review*. 2003. Vol. 34. P. 191—254; Saks M., Faigman D. Expert Evidence after Daubert // *Annual Review of Law and Social Science*. 2005. Vol. 1. P. 105—130.

В последнее время в изучении особенностей репрезентации экспертного знания в судебной системе приобрело влияние такое направление, как исследования науки и технологий (СТС). Как междисциплинарная область исследований СТС стремится к раскрытию взаимосвязей науки, технологий и общества, фокусируясь на переплетении социального и материального. Данное направление нередко рассматривается в качестве теоретического ресурса для изучения рутинных практик производства знания. Некоторые из ключевых вопросов изучения научного знания и его производства оказываются релевантными и для исследования правовой сферы, в частности, уголовного правосудия. Например, как реконструируется то, что произошло на месте преступления? Что делает полученное знание обоснованным? Как оно влияет на легитимность принимаемых следователями и судьями решений?

В отличие от традиционного взгляда на природу естественно-научного знания в СТС подчеркивается социальная сконструированность научного знания. Подобным образом преступление или виновность могут быть концептуализированы в качестве культурно и социально обусловленных. Судебные доказательства также конструируются внутри и как часть уголовной системы правосудия в соответствии с социокультурными нормами и «идеальными» представлениями о том, что такое «правильное» знание и как оно должно продуцироваться. Таким образом, сторонники СТС не говорят о знании в смысле абсолютной правильности или истины, но предлагают размышлять о том, как сделать его убедительным.

Неудивительно, что представители СТС активно изучают тематику, связанную с судебными экспертизами и доказательствами, фокусируясь на конкретных технологиях или их аспектах. В частности, ими проводились исследования того, как тесты ДНК обрели статус стандартизированной и юридически приемлемой технологии в США⁴, как данная технология превратилась в «золотой стандарт» или «машину по производству истины»⁵. Появляются работы, в которых анализируются практики лабораторных исследований, а также коллективы, в которых создаются судебно-медицинские технологии⁶. Авторы обращают внимание на то, как судебные

⁴ Derksen L. Towards a Sociology of Measurement: The Meaning of Measurement Error in the case of DNA Profiling // *Social Studies of Science*. 2000. Vol. 30. № 6. P. 803-845.

⁵ Lynch M., Cole S., McNally R., Jordan K. *Truth Machine: The Contentious History of DNA Fingerprinting*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

⁶ Caudill D., La Rue L. *No Magic Wand: The Idealization of Science in Law*. New York: Rowman and Littlefield, 2006.

доказательства репрезентируются в суде и оцениваются другими участниками процесса, какие тактические действия стороны защиты способствуют усилению неопределенности в процессе или как влияют коммерческие ценности на производство и репрезентацию результатов, например, судебно-медицинской экспертизы.

Все эти исследования, как правило, сфокусированы на отдельных аспектах создания судебных доказательств или пространствах, в которых они создаются (суд, лаборатория, адвокатское сообщество). Результаты таких исследований позволяют сделать вывод о том, что данные судебных экспертиз или показаний эксперта не являются самоочевидными, они могут быть приняты судом как обоснованный, заслуживающий доверия и приемлемый вид доказательств, но могут быть и отвергнуты. При этом интерпретация тех или иных видов доказательств зависит не только от партикулярных параметров, таких как особенности уголовной системы или юрисдикции суда, но и от социо-культурного контекста.

В частности, если исследования ДНК проводятся одной из нескольких коммерческих организаций, как в США, то их рассмотрение в суде будет сфокусировано на выяснении вопроса о том, можно ли доверять результатам исследования, и является ли выполнивший его эксперт достаточно авторитетным. В ряде европейских стран, где функционируют только государственные лаборатории, адвокату сложно заказать контр-экспертизу, которая смогла бы опровергнуть официальную экспертизу. В России в условиях расширившегося в последнее десятилетие рынка экспертных услуг при необходимости можно заказать контр-экспертизу или попытаться добиться приглашения специалиста в суд, однако чрезвычайно сложно приобщить полученное заключение специалиста к материалам дела или преодолеть нежелание судей принимать во внимание позицию приглашенного специалиста. Отметим, что особенности обсуждения этих вопросов в ходе эксплицитных и имплицитных переговоров в суде в значительной мере влияют на то, как производится и используется экспертное заключение.

Сторонники исследований науки и технологий рассматривают факты и артефакты в качестве социальных конструкторов, в том числе и потому что они могут оказывать определенное влияние на другие объекты. Экспертное заключение представляет собой пример переплетения материального и социального в процессе создания юридически значимых судебных доказательств. Социальная природа экспертных заключений проявляется в том, что они способствуют, иногда в очень значительной степени, либо обвинению, либо признанию людей

невиновными, таким образом, влияя на судьбы людей, вовлеченных в конкретное уголовное дело. Специфика судебных экспертиз заключается в том, они производятся и реципируются различными группами профессионалов. Однако важно обратить внимание еще на одну из фундаментальных характеристик экспертных заключений — на то, что они проводятся с целью получить ответы на вопросы, релевантные расследованию на досудебной и судебной стадиях судопроизводства. Кроме того, эти ответы должны быть сформулированы таким образом, чтобы их суть была понятна всем вовлеченным акторам — от дознавателя до судьи.

Существенным недостатком данного подхода является игнорирование сторонниками СТС постоянного характера взаимодействия юристов и судебных экспертов в качестве фактора, влияющего на особенности производства и интерпретации юридически значимых судебных доказательств. В связи с этим вне поля зрения авторов оказываются складывающиеся неформальные отношения между ними. Кроме того, в описании последователей СТС разногласия и профессиональные конфликты обусловлены исключительно эпистемически. Тем самым не учитываются такие конституирующие взаимодействие юристов и экспертов характеристики, как различающиеся интересы акторов, асимметричность властных отношений, более слабые ресурсные позиции эксперта, обусловленные структурой взаимодействия.

Частично восполнить выявленные исследовательские лакуны позволяет концепт «рабочая группа», введенный Дж. Эйзенштейном и Г. Джейкобом⁷ для раскрытия особенностей взаимодействия акторов, участвующих в судебном разбирательстве. С позиций их подхода судопроизводство рассматривается как результат взаимодействия акторов, представляющих различные организационные единицы. При этом существенной характеристикой судебного разбирательства является постоянный поиск компромиссов или договоренностей между участниками, обладающими различными ресурсами. Авторы утверждают, что суд — это пространство, в котором формируется микроколлектив, состоящий из судьи, персонала суда, прокурора, адвоката, а в некоторых случаях и подсудимого. Несмотря на различающиеся специфические интересы, обусловленные их позициями в юридическом пространстве, все участники объединены некоторым набором целей. Основной внешней целью выступает стремление сократить по возможности сроки рассмотрения дела, т.е. рассмотреть его быстрее, сохраняя при этом

⁷ Eisenstein J., Jacob H. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*. Boston: Little, Brown and Co., 1977.

баланс интересов. Главной внутренней целью является поддержание сплоченности «группы» и редуцирование неопределенности в процессе взаимодействия.

Вместе с тем состав такой «рабочей группы» не ограничивается лишь перечисленными акторами. Судебный эксперт также может быть включен в эту группу, особенно если речь идет об уголовном судопроизводстве. От выводов эксперта в значительной степени зависит, например, будут ли у следователя основания для возбуждения уголовного дела или какую меру наказания изберет судья, вынося решение. В зависимости от этапа судопроизводства можно выделить не только судебные, но и досудебные «рабочие группы». Изучение досудебных «рабочих групп» позволит понять, как появляются факты, впоследствии исследуемые в суде, и кто вовлечен в процесс их создания. Таким образом, необходимо расширить перспективы изучения экспертного знания в судопроизводстве и сфокусироваться на социо-культурных практиках трансформации результатов экспертизы в доказательство, которое играет важную роль в определении виновности конкретного лица.

При этом важно подчеркнуть, что такого рода трансформация происходит не только в ходе судебного процесса, но и на досудебной стадии в ходе предварительного расследования. Другими словами, для лучшего понимания циркуляции экспертного знания необходимо выйти за пределы лаборатории и суда и обратиться к стадии предварительного расследования преступлений и характерных для него практик «конструирования» и интерпретации доказательств.

Следует подчеркнуть, что в своем стремлении раскрыть внутренние механизмы производства научных фактов последователи СТС способствуют делегитимации результатов научных исследований, представляемых, в том числе и в экспертных заключениях. В результате фигура эксперта оказывается основным объектом критики сторонников данного направления. В то же время они не используют накопленный ими методологический инструментарий для анализа структурных ограничений деятельности судебных экспертов и организационный контекст работы органов предварительного следствия и суда. Теоретическим ресурсом, позволяющим восполнить данный пробел, является концепция юридического поля П. Бурдьё⁸. Юридическое поле, согласно Бурдьё, представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной

компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать корпус текстов, санкционирующей легитимное видение социального мира⁹.

Формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала¹⁰ и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью. Однако Бурдьё не рассматривает в своих работах взаимодействие в рамках юридического поля различных групп профессионалов, являющихся носителями как юридического, так и научного капитала. Тем не менее, поскольку французский социолог неоднократно описывал процессы взаимодействия между различными полями, может быть реконструирован подход к анализу взаимоотношений юридического поля и поля экспертизы (сегмента поля науки) с позиций его теории.

Юридическое поле и поле экспертизы представляют собой два социальных универсума, автономных, относительно независимых, и в то же время влияющих друг на друга. Их объединяет претензия на навязывание легитимного видения социального мира, а также то, что они представляют собой место внутренней борьбы за навязывание господствующего принципа восприятия и деления. Юристы и судебные эксперты выполняют работу по экспликации неявных практических принципов наименования, по их систематизации и приведению в порядок. Помимо этого, они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира.

В ходе предварительного расследования или во время судебных слушаний можно наблюдать юридическое поле и поле науки, но уже представленные конкретными лицами. В ходе судебного процесса юрист, занимающий определенную позицию в юридическом поле, говорит с судебным экспертом, занимающим определенную позицию в поле науки. В целом характеристики взаимодействия между конкретным следователем, адвокатом или судьей и судебным экспертом выражают структуру отношений между юридическим полем и полем науки. Например, статусная объективность, приписываемая следователю или судье, связана не с внутренними свойствами их личности,

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Бурдьё выделяет юридический капитал как особую разновидность символического капитала — его объективированную, кодифицированную форму, подчеркивая, что процесс концентрации юридического капитала следует собственной логике.

⁸ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75-128.

а с полем, частью которого они являются. С определенной точки зрения это поле находится в объективном отношении символического доминирования с полем науки. В свою очередь, оба эти поля испытывают давление поля политики и экономического поля, о чем свидетельствуют, например, «политически ангажированные» судебные решения и «заказные» экспертные заключения.

Ставкой в борьбе внутри юридического поля является навязывание легитимного видения социального мира. Хотят они этого или нет, но эксперты тоже вступают в эту борьбу, поскольку результаты экспертизы становятся ее инструментами. Если эксперт занимает позицию в определении виновности или невиновности, считая при этом, что представляет научное решение, то на деле он участвует в разрешении юридического спора. Частично гетеронимия экспертов происходит от искушения быть арбитром в юридической борьбе, т.е. выступать в роли, которой ждут от них юристы. В зависимости от позиций внутри поля экспертизы судебные эксперты используют разнообразные тактики, позволяющие преодолеть структурные ограничения их деятельности, отстоять свою профессиональную позицию, сопротивляться попыткам переложить на них ответственность и решения, выходящие за пределы их компетенции.

Концепция юридического поля является релевантной задаче социологической концептуализации взаимодействия юристов и судебных экспертов, поскольку учитывает внутреннюю логику развития права, выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между носителями различных видов юридического капитала, а также влияние на юридическое поле других полей. Данная концепция позволяет учитывать образцы поведения и модели взаимодействия действующих индивидов, а также стратегии и тактики, используемые ими в рамках юридического поля. Наблюдения в ходе судебных заседаний и интервью с участниками досудебного расследования и судебного процесса подтверждают, что для эмпирического исследования взаимодействия носителей различных типов профессионального знания в российском контексте перспективной является модель, сочетающая концепт «рабочая группа» и концепцию юридического поля.

В развитие социологического подхода мы обратились к непосредственному исследованию репрезентаций экспертного знания в юридическом поле¹¹. Вместе с тем существ-

ует необходимость проведения дальнейших эмпирических исследований. Каким образом представления судебных экспертов о судебной системе и ее функционировании воздействуют на их поведение в ходе межпрофессионального взаимодействия? Посредством чего достигаются конвенциональные договоренности, которые становятся значимыми моментами в формировании микроколлективов на этапе предварительного расследования и в ходе судебного процесса? Какие факторы влияют на складывающиеся формальные и неформальные отношения между экспертами и юристами? Каким образом заключения судебных экспертов и их показания интерпретируются различными группами юристов? Ответы на поставленные вопросы позволят раскрыть стратегии использования экспертного знания для легитимации правовых решений.

Следующий важный момент — это акцентация различий складывающихся формальных и неформальных отношений внутри «рабочей группы» между юристами, прежде всего, следователями, и судебными экспертами в зависимости от юрисдикции суда, в котором рассматривается дело, размеров городского пространства и различающейся степени диверсифицированности рынка экспертных услуг. В таких городах, как Москва и Санкт-Петербург, функционирует несколько государственных учреждений судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) городского, областного, регионального уровней, широко представлены негосударственные судебно-экспертные организации и частнопрактикующие эксперты. Как следствие, чем крупнее город, тем более сложными и нелинейными являются отношения между следователями и судебными экспертами. В небольших городах функционирует отделение областного бюро СМЭ, частнопрактикующих экспертов или негосударственных организаций чаще всего нет. В результате в более непосредственной форме раскрывается не только структура формального взаимодействия, но и механизм складывающихся неформальных отношений внутри «рабочей группы».

Композиция концепта «рабочая группа» и концепции юридического поля начала применяться нами в рамках проекта, посвященного изучению особенностей взаимодействия представителей различных типов профессионального знания в юридическом поле¹². В связи с тем, что исследование продолжается, на этом этапе

в области оценочной деятельности) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4. С. 148—153.

¹² В качестве основных методов исследования используются невключенное наблюдение в ходе судебных заседаний и глубинные интервью с судебными экспертами, адвокатами, следователями, федеральными судьями в отставке (Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область).

ограничимся общим описанием и сфокусируемся преимущественно на результатах одного из кейсов — в рамках небольшого города.

Фигура судебного эксперта и выводы экспертного заключения стали играть более значимую роль в определении принимаемого следователем решения после реформ 2009–2011 гг. Еще до возбуждения уголовного дела следователь назначает экспертизу, поскольку вынужден оценивать перспективность дела в процессуальном смысле, т.е. *«докажет он или нет, примет прокурор или нет»* (следователь, Санкт-Петербург). Таким образом, от выводов, сделанных судебным экспертом, зависит, будут ли у следователя бесспорные основания для возбуждения уголовного дела или нет. В интервью информанты подчеркивали, что следователь различными способами (например, указывая имя подозреваемого в вопросах эксперту) демонстрирует заинтересованность в том, чтобы эксперт подтвердил формирующуюся (или уже сформировавшуюся) версию. При этом следователь обладает соответствующими полномочиями для назначения экспертизы, выбора экспертного учреждения и даже конкретного эксперта. Другими словами, следственные органы выступают в качестве «работодателя» или «заказчика» для бюро СМЭ и экспертов.

Кроме того, властные и финансовые ресурсы, символический капитал следственных органов превосходят возможности государственного бюро судебно-медицинской экспертизы. Едва ли не единственной возможностью для учреждений судебно-медицинской экспертизы отстаивать собственную позицию является их подчиненность Министерству здравоохранения. Однако на разных уровнях и в различных аудиториях представители следственных органов и прокуратуры постоянно высказывают пожелания и обосновывают необходимость переподчинения учреждений СМЭ Министерству юстиции, что воспринимается экспертами крайне негативно: *«смерти подобно, окончательно подавит нас»* (судебно-медицинский эксперт, Санкт-Петербург).

Вместе с тем отношения между экспертами и следователями нельзя определить как безусловно асимметричные, складывающиеся исключительно в интересах следователя. Скорее они являются результатом сложно поддерживаемого баланса и зависят не только от категории дел, но и от статуса, возраста, опыта, квалификации как следователя, так и эксперта. В условиях постоянной ротации кадров в региональных управлениях следственного комитета, с одной стороны, и большей кадровой стабильности в экспертных учреждениях, с другой, более опытный эксперт может стратегизировать свою позицию и вести себя достаточно самостоятельно. Кроме

того, и на институциональном уровне позиция руководителя ГБ СМЭ достаточно устойчива, поскольку *«меняются представители всех видов управленческой власти, в том числе и следственного комитета, а начальники бюро десятилетиями остаются на своих местах»* (судебно-медицинский эксперт, Москва).

Поскольку в штате районного бюро СМЭ, как правило, один, два эксперта, к которым и поступают постановления следователей о проведении экспертизы, устойчивые рабочие отношения складываются в силу рутинной необходимости. Это происходит на институциональном, коллективном и индивидуальном уровнях. При этом в небольших городах на уровне отдельных экспертов и следователей профессиональные отношения дополняются включенностью в общие социальные сети, наличием общих родственников и знакомых, что способствует формированию неформальных отношений между ними. Помимо этого, объединяют экспертов и следователей представления о том, что *«все они находятся на страже закона»*, у них *«общая борьба с преступностью»*, и *«если следователь не доработал, то наша (эксперта) задача помочь ему и нашими средствами выполнить общую задачу»* (судебно-медицинский эксперт, Ленинградская область).

Важно рассмотреть взаимодействие внутри досудебной «рабочей группы» с точки зрения внешних и внутренних целей. Общей внешней целью является стремление с наименьшими временными и трудовыми затратами завершить расследование дела, что предполагает достижение общей позиции по делу. Достижение общей позиции по делу отвечает, в том числе, и интересам эксперта, так как его не будут вызывать на допрос для разъяснений или обращаться в связи с необходимостью провести дополнительную экспертизу. Интервью свидетельствуют о том, что пока результаты не будут соответствовать версии следователя, он будет назначать дополнительную или повторную экспертизу. Именно поэтому эксперт, постоянно работающий со следователями, демонстрирует «отзывчивость» по отношению к запросам и пожеланиям следователя.

Эксперты полностью следуют за постановлением следователя, они понимают, что если следователь выбрал экспертизу «по документам», то это отвечает его стратегии расследования дела. Конечно, эксперту проще работать с документами. Осмотр и опрос живого человека требует больших интеллектуальных, эмоциональных и физических сил. Кроме того, в ходе осмотра и опроса могут быть выявлены факты, обстоятельства, не соответствующие версии следствия, и эксперт будет вынужден решать, что делать с такими результатами — не протоколировать,

не учитывать или проводить дальнейшее исследование с учетом открывшихся обстоятельств.

В соответствии с ведомственными нормативными документами у эксперта есть право обосновать необходимость проведения осмотра лица, в отношении которого назначена экспертиза. Но, по словам адвокатов, это практически никогда не происходит. В связи с тем, что следователь вправе выбирать, будет ли экспертиза проводиться по медицинским документам или «живую», то возможна и противоположная ситуация, когда следователь *«назначает новую экспертизу через 4 года после события, предписав эксперту осмотр живого лица для установления степени тяжести вреда. Эксперт осматривает и делает вывод — человек жив-здоров, т.е. он даже не обратил внимания, конечно, скорее просто не захотел, на то, что событие было четыре года назад»* (адвокат, Санкт-Петербург).

Более того, эксперты не отказываются от проведения экспертизы по копиям документов, хотя предписано проводить по оригиналам, по незаверенным копиям медицинских документов тоже проводят, *«в лучшем случае лишь указывают данное обстоятельство в тексте заключения, чтобы защитить себя»* (адвокат, Санкт-Петербург). Работают эксперты и с материалами, переданными без упаковки и в не опечатанном виде, что также недопустимо, поскольку возможен несанкционированный доступ к ним третьих лиц, отмечая, что *«мы ругаем его про себя, но отказаться по причине незапечатанного конверта с материалами или отсутствием других формальностей, не можем»* (судебно-медицинский эксперт, Ленинградская область).

Нередко свои выводы эксперт основывает на данных, полученных не из первичной медицинской документации, а, например, из копии амбулаторного журнала приемного покоя. Однако *«данный документ не содержит достаточной информации и не пригоден для проведения экспертизы»* (адвокат, Санкт-Петербург). Кроме того, копия амбулаторного журнала приемного покоя предоставляется следователем в не опечатанном виде без описи. Информанты описывали ситуации, когда эксперт в своем заключении не ссылался на постановление следователя о предоставлении дополнительных материалов, хотя он мог быть обвинен в том, что самостоятельно получил данные материалы. Тем не менее, эксперт проводил исследование, полностью игнорируя допускаемые им нарушения, будучи уверен в поддержке со стороны регионального управления Следственного комитета: *«они [следователи] понимают, что если уйдет Ф., а пришедший ему на смену начнет заворачивать их определения, что они тогда*

делать будут?» (бывший сотрудник бюро СМЭ, Ленинградская область).

Работа в бюро судебно-медицинской экспертизы оценивается как престижная *«всего лишь несколько ставок в районе или городе», стабильная работа, «которую совсем не хочется терять»* (судебно-медицинский эксперт, Ленинградская область). Вместе с тем в интервью эксперты сетовали на то, что вынуждены работать на полторы, две ставки. Поэтому, как подчеркивали информанты, часть сотрудников экспертных учреждений заинтересована в выполнении экспертиз, не требующих значительных усилий, но допускающих нарушения профессиональных норм, таких как несоблюдение правил оформления или проведения экспертизы, отказ от составления исследовательской части.

Нередко следователи не представляют в полном объеме материал для исследования. Эксперт всегда может сделать запрос следователю (или в суд), сообщая, *«что этого нет, того нет, поэтому можем только в таком объеме ответить»* (судебно-медицинский эксперт, Москва). В соответствии с ведомственными нормативными документами эксперт может отказаться проводить исследование, сославшись на отсутствие необходимых материалов. Эксперт может потребовать предоставить дополнительные сведения, усомниться в правомерности отказа следователя от проведения обследования живого лица и проведения исследования только по документам, иногда еще и ненадлежащего вида или качества. На практике такого рода действия, по словам информантов, приводят к конфликту эксперта с руководством бюро. Если отказы составлять заключение продолжатся или проявления некооперативного поведения будут слишком частыми, это отрицательно повлияет на межведомственное взаимодействие. Как подчеркивали информанты, руководство следственного отдела постарается решить этот вопрос, сочетая формальные и неформальные способы воздействия на эксперта. Исключением независимых в своем поведении экспертов достигается внутренняя цель «рабочей группы», связанная с необходимостью обеспечения кооперативного поведения участников и поддержания сплоченности группы.

Большая нагрузка у следователей и преобладание количественных критериев оценки их работы приводят к тому, что они вынуждены, четко рассчитывая перспективы расследуемого происшествия, принимать решение о том, возбуждать уголовное дело или нет. В связи с этим нужны эксперты, которые будут не затягивать процесс принятия решения, а наоборот, ускорять процесс, способствовать обоснованию

формирующейся версии и принимаемого следователем решения, т.е. его легитимации. Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что все зависит исключительно от нагрузки и широкого круга полномочий следователей. Эксперты также озабочены необходимостью сокращения издержек, отчетностью, что может приводить к пренебрежению профессиональными нормами.

Устойчивость отношений между участниками досудебной «рабочей группы» определяется, прежде всего, институциональной взаимозависимостью тех организаций, которые они представляют, взаимодействием руководителей этих организаций, основой которого являются представления об общей борьбе с преступностью и неформальные договоренности. Помимо этого размеры населенного пункта и количество расположенных в нем государственных экспертных учреждений, наличие (отсутствие) негосударственных экспертных организаций и частнопрактикующих экспертов также влияют на особенности взаимодействия внутри досудебной «рабочей группы». Важную роль играют постепенно складывающиеся и поддерживаемые неформальные отношения. Результатом является практика взаимной легитимации решений следователей и действий судебных экспертов, нарушающих внутриведомственные нормы и профессиональные требования.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
3. Масловская Е.В. Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // РЖПИ. 2016. № 4. С. 148—153.
4. Caudill D., La Rue L. No Magic Wand: The Idealization of Science in Law. New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2006.
5. Derksen L. Towards a Sociology of Measurement: The Meaning of Measurement Error in the case of DNA Profiling // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30. № 6. P. 803-845.
6. Edmond H. Judicial Representations of Scientific Evidence // Modern Law Review. 2000. Vol. 63. № 2. P. 216—251.
7. Eisenstein J., Jacob H. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
8. Krieken R. Law's Autonomy in Action: Anthropology and History in Court // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15. № 4. P. 574—590.
9. Liberatore A., Funtowicz S. 'Democratizing' Expertise, 'Expertizing' Democracy: What Does This Mean and Why Bother // Science and Public Policy. 2003. Vol. 30. № 3. P. 146-150.
10. Lynch M., Cole S., McNally R., Jordan K. Truth Machine: The Contentious History of DNA Fingerprinting. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
11. Nance D. Reliability and the Admissibility of Experts // Seton Hall Law Review. 2003. Vol. 34. P. 191—254.
12. Saks M., Faigman D. Expert Evidence after Daubert // Annual Review of Law and Social Science. 2005. Vol. 1. P. 105—130.

Representation of Expert Knowledge in the Legal Field and the Problem of Legitimacy of Legal Decisions

Maslovskaya E. V.,

Doctor of Sociology, Senior Researcher,
Head of the Centre for Sociological and Legal Studies
of the Sociological Institute of FCTAS RAS
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Abstract. The article demonstrates the possibilities and limitations of different theoretical and methodological approaches to the study of interaction of forensic experts and jurists. The author substantiates the relevance of combining the concept of «working group» and Bourdieu's theory of juridical field for problematizing the legitimacy of legal decisions in the context of representation of expert knowledge in legal proceedings. This approach allows us not only to analyze the process of circulation of expert knowledge but also to take into account the structural context of interaction of forensic experts and jurists revealing the interests, strategies and tactics of various actors. The article emphasizes the need for conducting empirical sociological research focused on entanglement of dispositions of actors and their positions in social space. The author's approach allows to reveal the strategies of using expert knowledge for legitimization of legal decisions. Interviews with participants in legal proceedings confirm that pre-judicial «working groups» are characteristic for the system of criminal justice in Russia. The persistence of relations between participants of a pre-judicial «working group» is defined by institutional interdependence of organizations

which they represent and by informal relations. The differences between «working groups» are based on such factors as the scale of urban space and the degree of diversification of the market of expert services.

Keywords: sociology of law, forensic expert, expert report, criminal proceedings, juridical field, legitimacy of legal decisions.

References

1. Bek U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000.
2. Burde P. Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki. SPb.: Aletejya, 2005.
3. Maslovskaya E. V. Osobennosti vzaimodejstviya ekspertov so sledstvennymi i sudebnymi organami (na primere sudebno-meditsinskikh ekspertov i ekspertov v oblasti otsenочноj deyatelnosti) // RZHPI. 2016. № 4. S. 148-153.
4. Caudill D., La Rue L. No Magic Wand: The Idealization of Science in Law. New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2006.
5. Derksen L. Towards a Sociology of Measurement: The Meaning of Measurement Error in the case of DNA Profiling // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30. № 6. P. 803-845.
6. Edmond H. Judicial Representations of Scientific Evidence // Modern Law Review. 2000. Vol. 63. № 2. P. 216—251.
7. Eisenstein J., Jacob H. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
8. Krieken R. Law's Autonomy in Action: Anthropology and History in Court // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15. № 4. P. 574—590.
9. Liberatore A., Funtowicz S. 'Democratizing' Expertise, 'Expertizing' Democracy: What Does This Mean and Why Bother // Science and Public Policy. 2003. Vol. 30. № 3. P. 146-150.
10. Lynch M., Cole S., McNally R., Jordan K. Truth Machine: The Contentious History of DNA Fingerprinting. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
11. Nance D. Reliability and the Admissibility of Experts // Seton Hall Law Review. 2003. Vol. 34. P. 191—254.
12. Saks M., Faigman D. Expert Evidence after Daubert // Annual Review of Law and Social Science. 2005. Vol. 1. P. 105—130.

